

Д. А. ГРАНИН,

*писатель, член Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,
Почетный доктор СПбГУП, Почетный гражданин Санкт-Петербурга,
Герой Социалистического Труда*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВЕСТИ

Я не помню такого состояния нашего общества с подобным разгулом бесстыдства и бессовестности, как ныне. В советские времена низкий нравственный уровень можно было оправдывать страхом, идеологией, репрессиями. В нынешнем человеке мы, очевидно, имеем дело с принципиально другим отношением к стыду и совести. Появились новые требования к ним, новые, куда более заниженные, уровни стыда и совести, и они считаются нормальными.

Вот поголовное бесстыдство чиновников, для которых любые законы определяются степенью взяткостойкости.

Вот олигархи, которые захватили народное достояние — леса, недра, земли, жилье — и получили миллиарды. За что? Они ничего не изобрели, не открыли ни в науке, ни в экономике, ни в производстве, ничего не дали обществу, тем не менее стали владельцами огромных состояний, в основном по праву захватчиков, «оккупантов».

Вот депутаты всех уровней добиваются своих мандатов с помощью пустых обещаний, лжи и обмана.

В стране повсеместно воцарился культ денег и воровства.

Телевидение на всех каналах заботится не столько о просвещении и воспитании, сколько о рекламе, рейтингах ради своих доходов.

В последние годы своей жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев упорно возвращался к проблеме совести. Он с печалью видел, как она перестает быть мерилом нравственности, как Россия становится страной без стыда и совести.

После замечательного русского философа Владимира Соловьева Лихачев, пожалуй, единственный, кто так настойчиво занимался категорией совести.

Соловьев считал, что совесть есть развитие стыда. Должен быть стыд, нет стыда — тогда совесть молчит.

Стыд был первым человеческим чувством, которое отделило человека от животных. Можно считать, что человек — животное стыдящееся, Господь обнаружил первородный грех Адама и Евы, потому как они устыдились своей наготы. И изгнал их из рая.

Человек постепенно начинал понимать, что «должно по отношению к людям и богам», и тогда инстинкт стыда стал превращаться в голос совести, то есть Адам и Ева устыдились совершенного ими, и этот стыд, который заставил их прикрыть себя фиговыми листьями, и был первым голосом совести.

Лихачев сумел развить это положение, дополняя его ролью памяти. Он показывал, как память формирует совесть. Без памяти нет совести, память сохраняет наши грехи, память семейная, культурная, народная питает совесть, требует с нее. Она побуждает совестливое отношение к старшим, к друзьям, родным. Вспоминает, правильно ли мы жили, хорошо ли обращались со своими родными. Позднее наше раскаяние — это работа памяти, которая тревожит совесть. Память как историческая категория — когда, побывав в Гамбурге на кладбище русских солдат, жертв Первой мировой войны, я вдруг сообразил, что у нас, в России, я не видел и не знаю ни одного кладбища, где сохранялся бы прах русских солдат, погибших в ту войну.

А что такое действия вандалов на наших кладбищах или то, что они творят в Летнем саду, — что это? Это свидетельство жизни без памяти.

Лихачев обращал наше внимание на некоторые особенности совести.

«Совесть противостоит давлению извне, она защищает человека от внешних воздействий!» И в самом деле, к человеку порой может достучаться только совесть, внутренний голос, он куда действенней, чем бесконечные призывы, пропаганда учителей, воспитателей, даже родителей.

«Поступок, совершенный целиком по совести, — это свободный поступок».

Спрашивается, а зачем человеку нужна эта самая совесть, ведь никто не мешает отмахнуться от нее, какой от нее прок, если она не приносит никаких выгод, не дает человеку никаких преимуществ — ни для карьеры, ни материальных? Благодаря чему она существует, совесть, которая грызет и мучает, от которой порой не отвяжешься, не отступишься? Откуда, в сущности, она взялась? На самом деле мы знаем, что она исходит из глубины души и не бывает ложной. Она не ошибается. Поступок по совести не обесценивается, не приводит к разочарованию. Но все же — зачем это бесполезное чувство?

Когда я говорю *поступок по совести*, мне вспоминаются некоторые примеры, удивительные и впечатлившие меня надолго.

28 июля 1958 года умер Михаил Михайлович Зощенко. На «Литераторских мостках» партийное начальство хоронить его не разрешило, видимо, посчитали, что недостойн. Им всегда виднее. И рядом не разрешили. Наконец было позволено похоронить его в Сестрорецке, где он проживал на даче.

Гражданскую панихиду проводили в Доме писателя. Поручили вести ее Александру Прокофьеву, первому секретарю Союза писателей. Обязали провести ее кратко, не допуская никакой политики, строго придерживаясь регламента, не позволяя малейших выпадов, нагнали много милиции и работников Большого дома. Все желающие попасть на прощание не могли, люди заполнили лестницу, ведущую к залу, где стоял гроб, большая толпа осталась на улице. Гроб поставили в маленькой гостиной. Радиофицировать ее не разрешили. Слово дали Николаю Никитину, Михаилу Слонимскому — его друзьям времен «Серапионовых братьев».

Церемония заканчивалась, когда вдруг, растолкав всех, к гробу прорвался Леонид Борисов. Это был уже пожилой писатель, автор известной книги об Александре Грине «Волшебник из Гель-Гью», человек, который никогда не выступал ни на каких собраниях, можно считать, вполне благонамеренный. Наверное, поэтому Александр Прокофьев не стал останавливать его, тем более что панихида проходила без осложнений, никто ни

слова не говорил о травле Зощенко, о постановлении ЦК, словно никакой трагедии в его жизни не было, была благополучная жизнь автора популярных рассказов.

«Миша, дорогой, — закричал Борисов, — прости нас, дураков, мы тебя не защитили, отдали тебя убийцам, виноваты мы, виноваты».

Надрывный, тонкий голос его поднялся, пронзил всех, покатился вниз, люди передавали друг другу его слова, на улице толпа всколыхнулась.

Александр Прокофьев не посмел нарушить похоронный ритуал перед лежащим покойником. Рыдая, Леонид Борисов отошел.

Я возвращался домой с Алексеем Ивановичем Пантелеевым, он говорил: «Слава Богу, хоть кого-то допекло, нашелся человек, спас нашу честь, а мы-то, мы-то...»

Что это было? Борисов стоял рядом с Пантелеевым, не собиравшись выступить, но что-то прорвалось, и он уже не мог справиться с собой, это было чувство не рассуждающее, подсознательное, не способное выбирать. Это была совесть.

Быть бессовестным сегодня для многих — быть «как все», «иначе не прожить», «ничего не поделаешь, таково наше общество».

Можно, конечно, считать, что наше общество унаследовало советскую мораль, когда никто не каялся, участвуя в репрессиях, когда поощряли доносчиков, стукачей. Но при чем тут совесть? Она относится к личности, принадлежит душе, единственной, неповторимой, той, что отвечает тем удивительным голосом, что нас судит. Нет коллективной совести.

У Чехова есть рассказ «Студент». Маленький, на три странички. Сам Чехов считал его лучшим из всего написанного им.

В Страстную пятницу студент духовной академии, голодный, озябший, идет домой, размышляя о том, что кругом всегда была такая же бедность, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска; пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. У костра на огороде сидят две бабы. Студент садится к ним отогреться и рассказывает им историю того, как трижды апостол Петр отрекся от Христа, не устоял, отрекся и заплакал. Слушая его, растроганные бабы тоже заплакали. Потому что то, что происходило в душе Петра, им близко, близки тот стыд, муки совести апостола. Студент, оставив их, идет дальше, и вдруг радость заволновалась в его душе. Он думал о том, как прошлое «связано с настоящим непрерывною цепью событий: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Совесть есть одно из самых таинственных человеческих чувств.

Казалось бы, совесть часто угрожает своему хозяину. Недаром в Грузии говорят: «Мой враг — моя совесть». Это чувство, у которого нет выбора, оно не бывает ни умным, ни глупым, ни осторожным — эти категории не для него. Зачем же оно дается человеку? Не понятно.

Есть люди, которые сумели отделаться от совести, избавиться от нее, отсутствие ее несколько не мешает им жить, они чувствуют себя даже комфортно без нее, ничто не грызет их.

Лихачев считал совесть «таинственным явлением». Действительно, рациональное объяснение ему подыскать трудно. Чувство это иррационально, в этом сила совести и в этом ее беспомощность перед холодными соображениями эгоизма. Я никогда не мог объяснить, зачем она нужна человеку, необходима ли она, но человек без совести — это страшно.

Для меня в этом смысле одно из самых сильных стихотворений Пушкина «Воспоминание», написанное им в 1828 году. Кончается оно так:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалею, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Нет ничего труднее, чем отказаться от всяческих самооправданий. Требования совести, ее суд, ее приговор происходят втайне. Ничто не мешает подсудимому, который сам себя судит, уклониться от приговора. Пушкин отвергает для себя любое снисхождение, не дает себе пощады, даже слезы раскаяния не помогают. Мы не узнаем, за что он казнил себя, но признание это поражает своим мужеством.

На уроках литературы изучают Пушкина, но не учат тому, что совесть для него, для Лермонтова, для Толстого и Достоевского была реальностью, что у человека есть душа — тоже весьма реальное понятие, и надо заботиться о ее здоровье, стараться понять, что происходит с ней.

Работая над «Блокадной книгой», мы с Адамовичем были потрясены дневником школьника Юры Рябинкина. В нем предстала история мук совести мальчика в страшных условиях голода. Каждый день он сталкивался с невыносимой проблемой — как донести домой матери и сестре кусок хлеба,

полученный в булочной, как удержаться, чтобы не съесть, хотя бы довесок. Все чаще голод побеждал, Юра мучился и клялся себе, зарекаясь, чтобы назавтра не повторилось. Голод его грыз, и совесть грызла. Шла смертельная непримиримая борьба, кто из них сильнее. Голод растет, совесть изнемогает. И так день за днем. Голод, понятно, на чем же держалась совесть, откуда она берет силы, что заставляет ее твердить вновь и вновь — нельзя, остановись?..

Единственное, что приходит в голову — она есть божественное начало, которое дано человеку. Она как бы представитель Бога, его судия, его надзор, то, что дается человеку свыше, что может возрасти, а может и погибнуть.

Она не ошибается.

У нее нет проблемы выбора.

Она не взвешивает, не рассчитывает, не заботится о выгоде.

Может, только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни.